НАДЕЖКИН ИГОРЬ

НА ГОРИЗОНТЕ



ГОРЕЛО ЗАРЕВО

18+

Игорь Надежкин

На горизонте горело зарево

«Автор»
2026

Надежкин И.

На горизонте горело зарево / И. Надежкин — «Автор», 2026

В начале 2010-х парень из рабочего городка попадает в компанию музыкантов, поэтов и художников, собравшуюся вокруг обаятельного вольнодумца. Они ночами спорят о свободе, пьют, влюбляются и верят, что смогут изменить мир. Кажется, эта жизнь не кончится никогда.Но наступает 2014 год. Общество раскалывается, и вместе с ним распадается их компания: кто-то уезжает, кто-то сдаётся, кто-то становится чужим. Годы спустя над приграничным городом, где живёт герой, по ночам вспыхивает небо, и он пытается понять, где они свернули не туда. И не они ли сами приблизили войну.Роман о поколении, которое мечтало о свободе, а увидело на горизонте зарево войны.

© Надежкин И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От автора 6
Часть 1 7
Глава 1 7
Часть 2 11
Глава 1 11
Глава 2 14
Глава 3 16
Глава 4 19
Часть 3 20
Глава 1 20
Глава 2 22
Глава 3 24
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Игорь Надежкин
На горизонте горело зарево

18+

От автора

Все персонажи вымышлены и являются собирательными образами. Книга не является автобиографией или исторически достоверной хроникой. Исторические места и события служат фоном и показаны глазами вымышленного рассказчика. Окружающий мир показан через искаженное травмирующим опытом восприятие героев. Мнения и взгляды, высказанные героями книги, не являются позицией автора. Если вы чувствуете близость с кем-то из них, пожалуйста, обратитесь в центр психологической поддержки.

Книга содержит упоминания наркотических средств и психотропных веществ. Незаконное потребление наркотических средств и психотропных веществ причиняет вред здоровью, их незаконный оборот запрещен и влечет установленную законом ответственность.

Книга содержит сцены курения и употребления алкоголя. Курение и чрезмерное употребление алкоголя вредят вашему здоровью.

Ни наркотики, ни алкоголь, ни табак не помогут вам избежать жизненных трудностей и только усугубят их. Социальные роли и модели поведения героев могут существовать без негативных последствий только в вымышленном мире. Единственное, что может сделать вашу жизнь лучше, — хорошее образование, духовно-нравственное развитие и экологичное взаимодействие с окружающим вас обществом.

Часть 1

Глава 1

В тот день я проснулся от громкого хлопка в небе. Тряхнуло так, что задрожали стекла и завизжали сигнализации машин во дворе. Было около шести утра. «Точно как по расписанию», — подумал я и прислушался. Одиночная это ракета или будут еще?

В последнее время обстрелы стали привычным делом. Один обстрел утром, второй сразу после обеда, третий ближе к семи вечера. Обстановка накалялась. Граница была всего в тридцати пяти километрах от моего дома. Прилеты стали нормой, в которой теперь предстояло жить. Я был один. Жену и детей отправил к родне в Воронеж, а сам остался в городе: следить за квартирой и хоть как-то вести дела. Вскоре после хлопка все стихло. Я решил, что успею еще немного поспать, но стоило закрыть глаза, как раздался новый. На этот раз совсем близко. Кажется, прямо над домом. Пришлось встать с постели и уйти в коридор.

«А все же смешное слово „хлопок“, — думал я тем утром. — Такое безобидное, не то что „взрыв“». Раньше я, как и все, посмеивался над этим словом. Мне оно казалось глупым и несуразным — какой-то идиотский новояз. А оказалось… Это ведь и впрямь хлопок. Сгусток сжатого вязкого воздуха, который бьет прямо в барабанные перепонки. В нем нет ничего величественного, как во взрывах из кино. Есть только мгновенье до. Когда ты занимаешься своими делами: пьешь утренний кофе, болтаешь с друзьями или смотришь очередной сериал. Как вдруг хлопок! Все тело съеживается и становится свинцовым. В нем звенит только первобытный ужас, который засел где-то в костном мозге.

Все, что было до, больше не имеет значения. Все звуки стихают, только этот чертов хлопок разносится эхом в перепуганном мозгу. Ты больше не человек. Не личность. Не любитель рок-музыки. Не заядлый курильщик. Не уважаемый специалист. Ты не холерик и не сангвиник. Ты — никто. Ты просто животное, у которого одна мысль: «Беги или сдохнешь!»

Нет никаких эпичных языков пламени. Никто не отпрыгивает в сторону в замедленной съемке. Есть только упругий хлопок, а потом кто-то падает на землю, как мешок, сшитый из кожи и мяса. А через пару мгновений все заканчивается, и можно дальше заниматься своими делами. В этом и есть главный ужас. Услышав хлопок впервые, ты не будешь спать пару ночей. А потом и не заметишь, как все это станет нормальным и перестанет стоить твоего внимания. Это просто хлопки. Наплевать. Ведь свой последний ты даже не успеешь услышать. Конечно, если тебе повезет. Если не успеешь перед смертью познакомиться с устройством своего внутреннего мира. И я говорю отнюдь не о тонкой душевной организации.

Подождав десять минут, я пошел завтракать на кухню. Через заклеенные малярным скотчем окна я смотрел, как просыпается город, уставший от бесконечного ожидания чего-то страшного.

Несколько месяцев я работал из дома. В нашем офисе огромные витринные окна, и находиться там было опасно. Почти все время я проводил в четырех стенах. И, наверное, совсем свихнулся бы, глядя в пустоту вечернего окна, если бы не наш пес: с ним приходилось регулярно гулять. Погода была ненастная. Выходить совсем не хотелось, но собака уже поскуливала. Пришлось взять поводок, накинуть дождевик и выйти в серость промозглого дня.

Александра Свиренко я узнал не сразу. Он стоял на автобусной остановке, прислонившись к бетонным блокам укрытия. Стоял в стороне от людей и отрешенно глядел по сторонам. Увидев меня, Свиренко легко махнул рукой, словно и не было всех этих лет, что нас разделяли. Я кивнул в ответ и пошел дальше, успев только отметить, как сильно он изменился. Стал

мрачным и неухоженным. Худой, немного за тридцать, в старой вельветовой куртке — и при этом с отекшим, одутловатым лицом.

Наверное, мне стоило подойти и узнать, как у него дела. Но я не видел в этом смысла: я точно знал, что дела его плохи. У Свиренко были проблемы с выпивкой, но признавать их он не хотел. Нормальной семьи у Александра не было. Знаю только, что одна его знакомая пару лет назад случайно от него забеременела. Свиренко давно перебрался в Петербург. Зарабатывал чем придется. В юности пытался пробиться в живописи, литературе и театре, но везде терпел неудачи: не хотел прикладывать усилий. Хотя… Все меняется. Может, и он изменился. Если честно, мне было абсолютно все равно.

Не знаю, что привело его обратно в наш город, да еще в такое время. Я слышал, что после объявления частичной мобилизации он собирался уехать в Грузию. Возможно, хотел выпросить у матери денег на переезд. Это не имело значения. Постоянный страх за близких вытравил из меня все чувства. Я был таким же пустым и серым, как небо над головой, в котором белыми перьями висели следы от пуска ракеты.

Вернувшись с прогулки, я сел за работу, но Свиренко все не шел у меня из головы. Точнее, не сам Свиренко, а одна его фраза, сказанная больше десяти лет назад. Чушь несусветная, но мне почему-то вспомнилось, как однажды он учил меня варить лягушек.

Делать это нужно так: живых лягушек сажают в котелок и ставят на огонь. Им даже не нужно связывать лапки. Лягушки хладнокровны и очень хорошо приспосабливаются к среде. Они попросту не замечают, что вода становится все горячее и горячее. Нервничать они начинают, только когда вода закипает и обжигает им кожу. Лягушки пытаются выпрыгнуть, но уже не могут. Сил больше нет: они ушли на тщетную попытку приспособиться. Так и варятся заживо, не успев ничего понять.

«Дались тебе эти лягушки!» — одернул я себя и вернулся к работе. В то время я писал техническую документацию для крупной IT-компании. Я был рад, что можно с головой уйти в задачи. Кому-то покажется странной такая страсть к работе, когда кругом трубят о ядерной войне, а за окном рвутся снаряды. Но мозгу нужно зацепиться за что-то прочное и знакомое. Иначе ты просто сойдешь с ума. Я никогда не был так продуктивен, как во время войны. Я прошел курсы, прочитал уйму книг. Навел порядок в доме, перебрал все, к чему не прикасался годами. Я был готов делать все что угодно, только бы отвлечься от раскатов артиллерии вдалеке.

Но забыться в тот день не удалось. Во время вечернего обстрела один из дронов угодил в подстанцию, и почти во всем городе отключился свет. Такие моменты были самыми трудными.

Доводилось ли вам видеть, как огромный город погружается во мрак? Словно за одно мгновение ты переносишься на тысячи лет назад. Кругом лишь тьма. Чьи-то тени, причудливые и напуганные, скользят по стенам: люди спешат поскорее попасть домой. Все кругом смолкает. Только изредка воют сирены пожарных и скорых. Они мчатся во тьме на место прилета, туда, где над крышами стоит рыжее зарево. Но больше всего пугало, что замолкали телефоны.

В тот вечер я успел дозвониться до жены. Свет погас посреди ее рассказа о том, как младший опять не хотел засыпать без собаки.

— У тебя темно? — спросила она.

— Подстанцию задело. К утру дадут.

— Ты у окна?

— Нет, — соврал я, глядя, как на другом конце города разливается рыжий свет.

— Отойди от окна.

— Отошел.

Она помолчала. Я слышал, как у нее там, в Воронеже, бубнит телевизор и смеется кто-то из детей.

— Знаешь, кого я сегодня видел… — начал я.

Но в трубке было тихо. Я посмотрел на экран: связи не было.

Перезванивать я не стал. Да и что бы я ей сказал? Что видел на остановке человека, который когда-то был мне другом, и прошел мимо? Это, пожалуй, должно было меня задеть. Но мне было все равно. Упади тогда снаряд прямо на ту остановку, я бы так же прошел мимо, вернулся домой и сел за работу. И, если уж говорить в свою защиту, моя собственная смерть расстроила бы меня ненамного больше. Как я и говорил, страх уже давно выжег все переживания, и на их месте осталась ровная серая пустота. Ни Свиренко, ни мне самому в ней места не было.

Но эта чертова темнота… Немногим людям XXI века дано понять, каково это — остаться в полной тишине. Без привычного шума человеку приходится столкнуться с самим собой. И, поверьте мне, готовы к такому единицы. У тебя появляется время крепко задуматься: как же так вышло, что мы сидим в этой темноте?

Вспомнить то утро, когда мы впервые проснулись от грохота артиллерии и работы ПВО. Тогда мы еще не умели отличать выход от прилета. Не понимали, что происходит. Официальные объявления прозвучали позже. А тогда была только канонада и беготня в трусах по дому.

Первые сообщения о прилетах по местным новостям. Первые ракеты, разрывающие зимнее небо. Бесконечные вереницы военной техники, идущей куда-то на запад. И мы на фоне всего этого — мечемся в своих домах и не понимаем, что же нам делать. До той зимы мы ведь никогда об этом и не задумывались. Никто не учит, что делать, когда начинается война.

Тем вечером, сидя в темной квартире, я вспоминал очень многое. Вспоминал ребят в военной форме — с такими же лицами, как у меня. Думал, многие ли из них остались в живых. Думал о лицах беженцев в палаточном городке и о тех, кто бежал к нам восемь лет назад из Донецка и Луганска. Вспоминал свое лицо до той зимы, еще не такое осунувшееся и усталое. А главное, вспоминал свою жизнь.

Я не из тех, кто любит копаться в прошлом. Мне не свойственно по сто раз мусолить сказанные когда-то слова. Моя природа — нестись вперед, как локомотив, не глядя на тех, кто зазевался и попался мне на пути. Я всегда просто уходил. Но той ночью, слушая далекий грохот гаубиц, я все думал о Свиренко. Вспоминал день, когда увидел его впервые.

Я познакомился с ним осенью 2011 года. Мой старый друг Егор Анохин уговорил меня заглянуть в небольшой бар, где собирались его новые приятели. Идти я не хотел. Стеснялся себя: на мне была старая толстовка, зашитая когда-то заботливой рукой матери. Но все же решил заглянуть ненадолго, а потом придумать повод и уйти.

Свиренко я заметил сразу. Среднего роста, черноволосый, широкоплечий, с миловидным лицом и улыбкой, открывавшей щербинку в зубах. Черное пальто небрежно висело на стуле, серая шапка валялась у ног. Свиренко никогда не ценил вещи и жил аскетом. Из всех, кто встретился мне в те годы, он первым показал, что можно жить ради самой сути жизни, и больше других повлиял на мои взгляды. Они складывались тогда из его разговоров о дзен-буддизме, из американской классики и туманных песен Джона Фогерти, Лу Рида и безумного Моррисона.

А Свиренко был добродушным, с каким-то ребяческим, порой наивным отношением ко всему сущему. На любой вопрос он отвечал откровенно, не боясь смутить других или выглядеть глупо. И носился повсюду с мальчишеским задором. Иногда замирал в причудливых позах, будто выставлял напоказ свое подтянутое тело.

Но главное — Свиренко стал для меня лицом целого круга людей, которые, сами того не понимая, перевернули все мое представление о жизни и о себе. Они оставили во мне рваные следы — фразы, образы, воспоминания… А потом все рассыпалось. Они не смогли отстоять то, что ценили больше самой жизни. Простую мечту — писать, петь, рисовать, спорить до утра на чужих кухнях и быть теми, кем захотят.

Со временем Свиренко все больше отходил в моей судьбе на второй план. Надо признать, он меркнул рядом с теми, кто встречался мне после. И все же без него моя жизнь сложилась бы совсем иначе.

Я давно перестал переживать о том, что произошло между нами. Но вечером того дня, случайно столкнувшись с Александром, я впервые за долгое время задумался: «Как же так вышло, что этот человек, горевший когда-то, как тысячи неоновых ламп, стоит теперь такой невзрачный?»

Я не знаю, что стало тому причиной. Готовых ответов у меня нет. Знаю только, что после первых залпов все наперебой бросились искать причины. Обвинять друг друга. Но правда в том, что мы сделали это сами. Пускай неосознанно. Пускай сами того не желая. Но сделали мы это своими руками и очень давно.

Мы сидели в котелке уже тогда, в 2011-м. Просто вода была еще недостаточно горячей.

Часть 2

Глава 1

Я встретил Свиренко, когда больше не мог жить так, как меня воспитали в детстве. Мне нужен был человек, за которым я мог бы уйти от того, что было мне уготовано.

Я родился в небольшом городке, где почти все работали на заводе железобетонных конструкций или на руднике. Я был третьим ребенком в обыкновенной семье, которая после ухода отца погрязла в бедности. Мать моя была женщиной простой и безропотной. С детства она приучала меня к мысли, что я должен воспитать в себе силу и сделать мир хоть немного лучше. Она повторяла снова и снова: «Ты должен честно трудиться и быть достойным мужчиной. А если будет уже невмочь, терпи и уповай на Бога». Я никогда не слушал. Я был обычным мальчишкой, и заботили меня одни сущие глупости.

Но однажды, в омерзительный дождливый день, близкий друг нашей семьи покончил с собой. Гнетущую серость того дня я часто вижу в кошмарах. Я много думал о нем и не мог понять, зачем он так поступил. Наконец я спросил у матери:

— Зачем он убил себя?

— Иногда люди не могут вынести все беды, которые на них валятся, и решают сдаться, — совершенно спокойно ответила она. Мать, как и многие люди ее поколения, считала самоубийство слабостью, а обращение к психологу — позором. Она помолчала и добавила:

— Порой жизнь бывает очень непростой, а люди — недостаточно сильными, чтобы справиться с этим.

— Всем живется так трудно?

— Не всем. Есть и другие.

— Кто они?

— Нечестные люди.

— Они не страдают?

— Они наживаются на бедах других. Живут чужим горем и чужими трудами. — Произнося эти слова, мать немного поежилась.

— А мы должны страдать и трудиться для них?

— Не для них, а потому, что это наш долг, — ответила мать с гордостью.

— А как же плохие люди? Им все сойдет с рук? — Мне не хотелось верить, что кто-то может не ответить за свои злодеяния.

— Когда-нибудь их всех накажет Господь.

— А нас? — спросил я с испугом.

— А нам воздаст по нашим делам. Наступит день, и каждый будет отвечать за содеянное.

— Когда это случится?

— Никто не знает. Может, уже сегодня.

С тех пор я иногда невольно задавался вопросом: «А может, уже сегодня?» — и от этой мысли мне становилось жутко.

Годы шли. Я становился старше. В тринадцать лет я начал подрабатывать после школы в бильярдной. Составлял шары в треугольник, подносил посетителям закуски и убирал со столов. А если вечерок выдавался удачным, играл с Егором Анохиным на свободных столах. Иногда к нам прибивался Вовка Пановский из параллельного класса — худой, смешливый, с вечно ободранными костяшками. Он лупил по шарам так, что они вылетали со стола, а когда хозяин ругался, только посмеивался: «Гни, пока не сломаешь». Той первой зимой в бильярдной мы смотрели, как хмельные мужчины спускают деньги на женщин и пойло, лишь бы ненадолго

забыть, как жалки их жизни. И мы с Анохиным решили, что ни за что не закончим свои дни, как они.

А летом мы познакомились с беспризорным парнем — Антоном Гофтом. Черноволосым, растрепанным, ходившим все время с улыбкой. Он носил льняные штаны не по размеру и стоптанные кеды. Осенью 2005-го, в день своего четырнадцатилетия, Гофт сбежал из дома от криков и побоев вечно пьяной матери. За два года он успел пожить на улице, поработать зазывалой в бродячем цирке и вылететь оттуда по обвинению в краже. Домой Гофт вернулся летом 2007-го — проверить, не умерла ли мать от цирроза. Тогда он познакомился с Артуром Мизуровым, еще одним моим другом детства, — Артур нас и свел.

К матери Гофт не вернулся и по-прежнему жил на улице. Все, что ему было нужно, он воровал, и вскоре его объявили в розыск. Но Антон был слишком свободолюбив, чтобы прятаться. А может, слишком глуп, чтобы понять, что беспечность может его погубить. Он все так же беззаботно разгуливал по городку, и милиция почему-то никак не могла его поймать. Лишь однажды его все-таки задержали, но через десять минут Гофт сбежал, выпрыгнув из машины прямо на ходу.

Помню, однажды я спросил его:

— Тебе не страшно? — Гофт не сразу понял, что я имею в виду. — Ты не боишься, что тебя поймают?

— Немного страшно. Подумываю сбежать отсюда на хрен. — Антон стоял, упершись лбом в витрину спортивного магазина, и смотрел на новенький велосипед.

— И куда ты поедешь? — Я оглянулся по сторонам. Мне было тревожно гулять с Гофтом прямо в центре городка. Нарвемся на милицейский патруль — и большие проблемы будут у обоих.

— Не знаю. Да и неважно это. Если бы ты только знал, как далеко может увезти тебя эта дорога! Хренова М-2, трасса на Москву, которую ты видишь каждый день. Если бы ты только видел… Ты бы бросил все и убежал вместе со мной.

— Зачем мне это?

— Да затем, что мир огромен, а ты прикован к этому захолустью и даже не знаешь об этом.

Он умолк и взъерошил сальные волосы.

Весной 2009-го Гофт пропал. Одни говорили, что он подался в Москву, другие — что попал в колонию. А через два года до меня и вовсе дошли слухи, что Антон насмерть замерз где-то под Воронежем. С тех пор я смотрел на М-2 и думал о местах, куда она могла меня увезти.

Вот, пожалуй, и все о детстве. Обычная жизнь на окраине. Как и большинство детей моего поколения, я рос без всякого присмотра. Наши родители были слишком заняты на работе. Государству тоже было не до нас. Мы были слишком юны, чтобы впитать советские идеалы. А когда власть наконец взялась за идеологию новой России, мы были уже слишком взрослыми. Мое поколение всегда было замкнуто в себе. Мы просто хотели, чтобы нас оставили в покое, и такой расклад устраивал всех. Для нашей страны мы были нежеланными детьми. Мы напоминали ей о временах упадка, и нас всегда старались задвинуть куда-нибудь подальше.

Скажу только, что к концу школы я мечтал поскорее покинуть свой городок. На самом-то деле он был не так уж и плох. Тихое спокойное место. Но мне всегда было в нем тесно. Я мечтал увидеть тот дивный мир, что мелькал на экране телевизора и на страницах книг. Я вырос на американской поп-культуре, которая учила любить далекий прекрасный мир где-то за горизонтом. Тогда я не понимал этого так отчетливо, как сейчас. Но внутри жила мысль: там, где я живу, плохо, и нужно срочно уехать туда, где лучше. В 2011-м, при первой же возможности, я уехал жить в Белгород.

Сейчас любой в стране покажет наш город на карте — его название каждый день звучит в сводках. А тогда одни о нас и не слышали, а другие думали, что мы где-то в Харьковской области. Я до сих пор люблю тот довоенный Белгород. Тихий, размеренный, населенный зажиточными приезжими с севера. Каждый может так сказать о своем городе, но место было и правда особенное. Небольшой уголок спокойствия. Теперь в это трудно поверить, но тогда в Белгород стремились многие. Те, кому претили шумные мегаполисы и их суета. Те, кто просто хотел комфорта и покоя.

Для парня из местечка в десять тысяч человек Белгород был сияющим градом на холме. И тогда он и впрямь был таким.

Глава 2

Мне тогда было восемнадцать.

Говорят, в этом возрасте каждый думает, что впереди его ждет великое будущее. Лично я в эту чушь никогда не верил. Там, где я вырос, мечты не сбывались. Однажды я просто решил верить, что все еще образуется, и держался за эту мысль, как за поручень в переполненном автобусе, надеясь, что он довезет меня до конца.

После переезда я устроился охранником на строительный склад. Платили мало — денег едва хватало на крохотную квартирку на окраине. Но я был доволен, что больше не нужно делить с кем-то спальню. Вечера я проводил за книгами или шел выпить с Егором Анохиным. После школы он уехал вместе со мной и поступил на журфак. Там он познакомился со Свиренко и остальными и все чаще пропадал в своей компании. Я же оставался один. Скоро я понял, что, даже уехав из городка, все еще прикован к нему. Я все больше замыкался в себе, и мне казалось, что среди всех этих людей, идущих куда-то с важным видом, для меня нет места.

И когда я уже собирался вернуться домой, признав свое поражение, мне позвонил Егор Анохин. От него несколько недель не было вестей. Я снял трубку и услышал его бойкий голос:

— Черт возьми, куда ты пропал?

— Я был дома, — ответил я нерешительно.

— Даже не сомневался в этом, — сказал он ехидно. — Приходи сегодня вечером в бар напротив университета. Познакомлю тебя кое с кем. Тебе понравится.

— Знаешь, я…

Но Анохин уже бросил трубку.

Тем же вечером, около половины шестого, я спустился в тот самый бар, где мне предстояло провести еще немало ночей. Я сел за столик к компании, чьи крики услышал еще с порога. Незнакомцы встретили меня радушно. Усадили, налили выпить и втянули в разговор, даже не спросив, кто я такой. Никто из них не осторожничал и не подозревал во мне дурных намерений. Никто не боялся оставить меня наедине со своими вещами — это-то меня и насторожило.

Они тем временем говорили о людях, чьи имена я слышал впервые, и просто наслаждались обществом друг друга. Дима Ситников — угрюмый молчун с Крайнего Севера, мечтавший стать известным журналистом. Анна Мирош из Казахстана перебивала всех, не дослушав, и никто на нее за это не обижался.

Денис Бабак из Харькова, покоритель глубин подсознания. Он заговорил со мной первым и сразу спросил, что мне снилось прошлой ночью. Я признался, что не помню. «Это ничего, — серьезно сказал Бабак. — Человек вообще сам не знает, что у него внутри». И тут же рассмеялся. Сигареты он сворачивал сам, из дешевого табака, медленно и бережно, будто совершал обряд. Александр Свиренко, местный чудак без гроша в кармане, что разгуливал по улицам в красном шерстяном кардигане и кедах на теплый носок. Под утро, когда бар пустел, он читал всем свои стихи — такие же безумные и притягательные, как он сам. И Егор Анохин, которого я знал всю жизнь, вдруг оказался совсем другим — спокойным и раскрепощенным.

А я был рослым, чуть странным парнишкой, которому захотелось стать частью этого мира. Я внимал каждому их слову и, наверное, относился ко всему слишком серьезно. Смотрел на них взглядом воришки и ждал, когда же наконец ухвачу свое. Но главное, я впервые в жизни чувствовал, что я на своем месте. Что у моего появления была веская причина. Любой, кто смотрел на нас со стороны, с каждой минутой все больше убеждался, что перед ним люди совершенно невменяемые. А я впервые чувствовал себя нормальным. С тех пор, как только выдавался свободный час, я спешил к новым знакомым.

Я был очарован ими. Невероятные, голодные до жизни безумцы, готовые ввязаться во что угодно, — яркие, начитанные и умные, как черти. Им было безразлично, кто ты и откуда

пришел, и в их мире была только одна ценность — свобода. Конечно, у всех были свои недостатки, но я не хотел их замечать. Я хотел видеть их святыми. В бесконечном бардаке вокруг мне хотелось верить, что в мире осталось хоть что-то чистое, пусть даже это кучка подвыпивших и бедно одетых юнцов. Глупость, разумеется. Ну и что с того? Это помогало мне жить. Помогало верить, что мы не повторим жизнь наших родителей: не станем спускать получку в бильярдной и терпеть, уповая на Бога.

Теперь моя жизнь мчалась в темпе полоумной гонки. Я бежал, сиял и жадно глотал эти дни. Каждую ночь мы срывались в поход по городским закоулкам и несли совершенный вздор. В основном о литературе: друзья мои считали себя ее частью. Начиналось все с какой-нибудь фразочки:

— Никто не овладел малой прозой так, как Чехов.

— А как же О. Генри?

И тут пошло-поехало:

— О. Генри мастерски раскрывал человеческую сущность.

— Сущность — дело Достоевского.

— Да о чем вы все? Они уже давно потеряли актуальность. Взять того же Хантера Томпсона…

И так до тех пор, пока диспут не превращался в балаган. А после, далеко за полночь, мы искали, где переждать ночь, чтобы завтра снова пуститься в кутерьму безумия. Меня ничего не заботило, я просто был собой. Я был беспредельно счастлив.

Нам казалось, что совсем скоро мы перевернем мир своими идеями. Что взрослые просто ничего не понимают. К тому же как раз поднималось протестное движение. Протестовали все и по любому поводу. Мои друзья верили во все эти россказни про народную волю. Думали, что, прочитав пару заумных книжек, заставят власть имущих считаться с ними. И я верил вместе с ними — не в идеи, а в них самих. На самом же деле мы ни для кого не были угрозой. Слишком неорганизованные и хаотичные, мы хотели, чтобы все было как в кино. Легко, без пота и крови. Но с заблуждениями мне повезло больше, чем друзьям: я довольно рано узнал, что реальный мир — суровое и жестокое место. А они жили с убеждением, что за слова не придется платить. Что, если верить в мечту, она обязательно сбудется.

Глава 3

Лето 2012-го стало переломным, но тогда мы этого не понимали. Протесты на Болотной площади еще не отгремели, и казалось, что вот-вот всколыхнутся народные массы. Но этого так и не случилось. Были только громкие возгласы, а идти до конца никто не был готов. Сам я держался от протестов подальше. Но для многих моих друзей это лето стало настоящим откровением.

Тем летом Егор Анохин бросил учебу и ушел служить в армию. Среди новых приятелей он не прижился и довольно быстро охладел к ним. Их споры о великом и вечном он слушал с каменным лицом. А однажды, когда мы возвращались из бара, сказал мне: «Достали они меня со своим Хантером Томпсоном. Пойду лучше родине послужу. Хоть делом займусь». Я решил, что он шутит. Но через неделю Анохин уже стоял на призывном пункте с рюкзаком за плечами.

Вскоре меня уволили со склада, и я устроился в забегаловку на соседней улице. С восьми до восьми мыл посуду в маленькой кухне, где между кафельными плитками росла серая плесень. Вечером, возвращаясь домой, я долго не мог откашляться. Все чувствовал едкий запах хлора.

После отъезда Анохина я почти все свободное время проводил со Свиренко. Не без его участия я тогда и решился на то, о чем грезил много лет: увидеть жизнь во всех ее проявлениях и узнать наконец, о чем Гофт так и не успел рассказать.

Это случилось дождливым июльским вечером. Мы со Свиренко зашли в кофейню немного обсохнуть и о чем-то оживленно спорили — о чем, я уже не помню. А потом Свиренко резко сменил тему:

— Знаешь, что нам стоит сделать как можно быстрее? Накопить денег и съездить на море. Уже два года не ездил.

— Да, наверное, было бы неплохо, — ответил я.

— Неплохо? И это все? — Свиренко покачал головой. — Как можно быть таким равнодушным к морю? Это ведь сущее удовольствие. Растянуться ночью на гальке, выпить вина, а потом раздеться догола и прыгнуть в теплую воду. Неплохо… Неплохо выпить прохладного пива, а дикий пляж на берегу моря — это… — Он прервался на полуслове. — Ты вообще понимаешь, о чем я говорю?

— Не знаю. Я никогда не был на море, — признался я. Мои новые друзья, хоть и ходили без гроша, выросли в семьях куда богаче наших с Анохиным. Порой они забывали, что для кого-то их повседневность — несбыточная мечта.

— Ты вообще где-нибудь бывал? — спросил он, как мне показалось, даже с презрением.

— Только здесь.

— Это никуда не годится. Пора бы уже тебе посмотреть, как устроен этот мир.

Свиренко замолчал, а я сидел, стыдясь своей ограниченности.

После того разговора я каждый месяц откладывал половину зарплаты в коробку из-под печенья. Копил на котелки и походный рюкзак, чтобы однажды отправиться в путь, в никуда. На кухне платили чуть больше, чем на складе, там же и кормили, а на работу я ходил пешком. Так что кое-что удавалось отложить.

По выходным мы со Свиренко ездили по барахолкам за очередной вещичкой, которая могла пригодиться в дороге. Я бы многое отдал, чтобы еще раз пережить те деньки. Мы скитались по улицам от одних странных ребят к другим, а он поил меня пуэром и говорил:

— Знаешь, что сказал Тандзан своим ученикам? — Тогда он увлекался дзен-буддизмом и все время мне о нем твердил.

— Понятия не имею. Ты лучше скажи, чем он зарабатывал на жизнь. — Я не особенно разделял его религиозные увлечения. Слишком хорошо помнил материнское «терпи и уповай», чтобы искать утешения еще и у монахов.

— Как и все монахи, просил подаяния, — осторожно ответил Свиренко.

— Тогда мне нет дела до того, что сказал попрошайка. — И я ехидно засмеялся.

Свиренко не злился. Он знал, что я не хочу его обидеть и уважаю его буддийские практики. Просто я никогда не упускал случая поддеть друга. Остальных приятелей я видел все реже. Не было времени просиживать в барах, да и в карманах всегда было пусто. Я встречался с ними раз в неделю, чтобы поспорить до хрипоты, посмеяться и узнать, что творится в городе.

Только раз, осенью, я выбрался из города. Бабак поехал проведать родителей в Харьков и позвал меня с собой: «Посмотришь хоть, как люди живут». Ехали на маршрутке. На границе пограничник долго вертел мой паспорт и спросил, к кому я еду. «К другу», — сказал я, и он, пожав плечами, вернул паспорт. Родители Бабака, тихие люди, перебравшиеся когда-то в Харьков из Самары, кормили нас борщом и все пытались понять, чем я занимаюсь.

А вечером Денис повел меня к своим школьным друзьям — в гаражи на Салтовке, где Влад и Тарас который месяц перебирали старую «Яву». На прощание Тарас хлопнул меня по плечу: «Будешь у нас — заходи без звонка». Я пообещал, что заеду.

Когда я скопил достаточно денег на поездку, наступила зима. Чтобы собрать нужную сумму, пришлось сэкономить на теплой одежде. Я носился повсюду в старой клетчатой куртке и истрепанных джинсах. А ночами, тщетно пытаясь согреться, смотрел на рюкзак, бесполезно стоящий в углу.

Ехать зимой было безумием, и я ждал весны, все так же работая. Вечерами я пропадал у Свиренко. Он жил тогда с прелестной девушкой Анастасией Кат. С Кат я познакомился осенью. Как-то рассказал Свиренко о девчонке с зелеными волосами, которую увидел возле университета. Тем же вечером выяснилось, что мой друг знал ее еще по вечерней школе. Он обещал меня с ней познакомить. Но вскоре я ввязался в драку у бара, получил сотрясение и три недели провалялся в травматологии. А когда вернулся домой, они уже были вместе.

Чудесные люди — таких за всю жизнь по пальцам пересчитать. Я провел немало ночей в их уютной гостиной. Я так привязался к этим двоим, что подумывал забыть о своей затее и остаться с ними. Прятаться холодными вечерами с бутылкой вина, слушать записи Хендрикса, которого обожал Свиренко, или читать друг другу свои первые попытки написать что-нибудь стоящее. Кат обычно сидела рядом и молча слушала. Она всегда была немногословной. Нравилась она мне не только как друг. В ее остром личике было что-то, к чему мой взгляд возвращался снова и снова. А чуть неряшливые движения завораживали простотой и детской непосредственностью. Мешковатый свитер она носила почти не снимая. Но стоило ей надеть платье, как в ней открывалась на редкость красивая и желанная женщина. Тогда она только развелась с первым мужем, устав от его запоев и пренебрежения. Она была в том упадочном настроении, когда не хочется смотреть на себя в зеркало. Считала себя отвратительной, неспособной привлечь чье-то внимание. И совсем не замечала, как парни провожают ее взглядами.

В феврале мне пришлось на время перестать бывать у Свиренко и Кат. Мои чувства к ней все больше выходили за рамки дружбы. Но Кат была с Александром, и я не мог позволить себе большего. Я решил ненадолго пропасть и проветрить мозги. Познакомиться с какой-нибудь милой девушкой, выбросить романтическую чушь из головы и снова вернуться к ним.

Тогда я и познакомился с Оксаной. Она работала в баре на углу моей улицы. Среднего роста, нос широкий, с небольшой горбинкой, кудри до самых плеч. Я взглянул на нее и сразу понял — это как раз то, что мне сейчас нужно. Каждый вечер я шел к ней в бар и часами сидел за стойкой. Оксана стояла, горделиво приподняв подбородок, и не сводила с меня тускло-серых глаз. А я все не решался с ней заговорить. Я считал себя совершенно невзрачным, хотя мне не

раз говорили, что я по-своему, грубо, по-мужски привлекателен. Но я до сих пор в это не верю. Когда я наконец заговорил с ней, то сделал это так деликатно, что мы стали просто приятелями.

Так и шло, пока однажды я все же не набрался смелости и не позвал ее выпить после работы. Оксана согласилась, и все было просто волшебно. Пустел четвертый или пятый бокал. Мы говорили обо всем на свете: о жизни, книгах и вроде бы даже о трехпалых ленивцах — обычный треп, когда не знаешь, чем забить тишину. Сидели почти вплотную и искали повод прикоснуться друг к другу. Похлопывания, рукопожатия, скользящие, как бы случайные касания. Но в них было столько нежности, что все вокруг меркло. Мир, погрязший в темноте зимней ночи, больше меня не заботил. Через час мы ехали к ней в такси — молча, вдвоем на заднем сиденье, глядя на пустые улицы. Дома Оксана откупорила бутылку ликера и посмотрела на меня так, словно сама не понимала, что делает.

— Не могу поверить, что связалась с тобой, — прошептала она.

— Мне, наверное, уже пора.

Я чувствовал себя очень неуютно. Даже алкоголь не придавал уверенности. Я и сейчас, взрослым мужчиной, немного теряюсь от мысли, что нужно знакомиться с девушкой. Слава богу, я давно женат и могу об этом не волноваться.

— Зачем? Оставайся у меня до завтра. — И той ночью я остался с ней.

Глава 4

Следующие две недели я провел с Оксаной. С утра мчался на работу, вечером возвращался к ней. Ночами мы заливались вином и любили друг друга. Так раз за разом мы пускались в марафон похмельного утра, работы и бессонной ночи. Глотали кофе чашку за чашкой, чтобы набраться сил для нового забега.

Я говорил ей:

— Поехали со мной.

— Куда?

— Никуда. Просто поехали. Сойдет снег, и умчимся.

— Зачем тебе куда-то ехать? Оставайся лучше со мной.

И я каждый раз оставался. И все повторялось по кругу — кофе, алкоголь, Оксана. Но однажды утром, стоя в ванной, я взглянул на себя в зеркало и испугался. На меня смотрел осунувшийся пьянчуга со впалыми щеками. Ему срочно нужно было проспаться и хотя бы пару дней отдохнуть. А хуже всего была мысль, что я предаю свои чувства к Кат и обманываю Оксану.

Я сел на пол и сказал себе: «Пора бы притормозить, приятель». Потом поднялся, принял холодный душ, выпил кофе. Но у самой двери понял, что загнал себя до предела, и вернулся в кровать. Еще один такой день — и я бы сломался.

Оксана вернулась со смены поздно вечером, когда я все еще спал, и принесла бутылку портвейна. Мы слушали записи Хаулина Вулфа, и через час я снова был пьян. Млел рядом с ней, а потом долго лежал в темноте и молча погружался в безмятежную тишину. Сквозь сон я чувствовал, как она прижимается ко мне. Потом снова утро, тошнота, омерзительное чувство упадка… Дни стали похожи один на другой, и я перестал видеть грань между ними. И вот однажды, проснувшись, я понял, что это конец. Снег еще не сошел, но ждать я больше не мог. В тот же день я позвонил старому приятелю Кириллу Проскурову. Когда-то мы жили на одной улице.

После школы Кирилл уехал из дома и жил теперь под Краснодаром, в городке со странным названием Горячий Ключ. Он часто звал меня погостить и даже обещал подыскать работу. С этого города я и решил начать путь. Задержаться в Ключе на пару недель, подзаработать денег. Потом по М-4 доехать до Новороссийска, заночевать, а дальше через Керченскую переправу и Крым до Джанкоя. Оттуда по старой трассе на Москву до самого Харькова, заглянуть к Владу с Тарасом и по ней же вернуться домой. Тогда не было проблем с российско-украинской границей. Я мог проехать по внутреннему паспорту и не регистрироваться, если не задерживаться там дольше девяноста дней.

Когда Кирилл услышал мой голос, он тут же заявил: «Не беспокойся ни о чем. Достань билет и приезжай. Тут уж я о тебе позабочусь». Вечером я получил расчет, забрал из дома рюкзак и поехал попрощаться со Свиренко и Кат. Заночевал у них, а утром отправился на вокзал, ничего не сказав Оксане. Я понимал, что поступаю неправильно, и мне было чертовски стыдно: эта девчонка мне правда нравилась. Но проведи я с ней еще один день, она загнала бы меня в могилу. Так я впервые ушел, не сказав ни слова. Потом я не раз проделывал этот фокус, и с каждым разом он давался мне все легче.

Часть 3

Глава 1

Первую ночь в дороге я спал или смотрел в окно. За стеклом поезда тянулись заснеженные поля и деревушки вдалеке. О присутствии людей там напоминали только полоски дыма, валившего из печных труб.

Проснулся я на рассвете. Мой попутчик, винодел откуда-то из предгорий Кавказа, пил чай и смотрел в окно. На полях я заметил проталины. Черные полоски разрезали ландшафт от самого горизонта до насыпи железной дороги. Весна приближалась стремительнее, чем я ожидал.

— Погоди, когда приедем на юг, глазам своим не поверишь, — улыбнулся винодел.

— Мать его! — воскликнул я. — Вчера утром я стыл на морозе!

Поезд прибыл в Горячий Ключ к обеду.

Должен признаться, Горячий Ключ — один из красивейших городов, что довелось мне увидеть. Стоит он у самого подножия Кавказского хребта. На улочках пахло мокрой землей и дровяным дымом, а прохожие здоровались первыми.

Я долго пытался дозвониться до Кирилла, но трубку он не брал. У меня был его адрес, и я решил заглянуть без предупреждения.

Кирилл жил в старом двухэтажном доме на шесть квартир. Стены дома кое-где дали трещины, а краска облупилась. По двору меж сарайчиков бродили куры. Я поднялся на второй этаж и постучал в дверь. Открыли не сразу, но наконец замок щелкнул, и на пороге появился Кирилл Проскуров — крупный, с широкой первобытной челюстью и массивными надбровными валиками. Русые волосы торчали густой шапкой.

Увидев меня, Кирилл растерянно пробормотал:

— Привет, — и закусил губу. Выглядел он озадаченным.

— Может, пригласишь войти?

— Да, конечно. Что это я? — Он отодвинулся в сторону.

Из глубины квартиры послышался женский голос:

— Кто это?

— Один мой старый приятель, — крикнул в ответ Кирилл.

— Опять?

Тон девушки мне не понравился. Она показалась в коридоре — малорослая, крепко сбитая, широкобедрая, — и прошла, переваливаясь на ходу. Девушка взглянула на меня и скрылась в ванной.

— Прости. У меня с ней проблемы. — Кирилл почесал крепкий затылок. За несколько лет, что мы не виделись, он заметно прибавил в весе. — Что ты вообще здесь делаешь? — опомнился он.

— Ты же сам меня пригласил. После нашего разговора я собрал вещи и сразу поехал на вокзал.

Кирилл отвел взгляд.

— Понимаешь, ей не нравится, что я постоянно вожу сюда кого-то. А вчера и вовсе взбесилась. Начала кричать, что уйдет от меня. Знаешь, я очень люблю ее… — Дальше он что-то невнятно залепетал.

Я ошеломленно смотрел на него и не верил своим ушам.

— Ты ведь не выставишь меня на улицу? — спросил я.

— Слушай, не заводись. Найди, где пристроиться на ночь. А завтра впишем тебя куда-нибудь.

— Какого хера?! — рассвирепел я.

— Мне очень неловко, но я не могу. Я очень рад тебя видеть, но не могу.

— Знаешь, шел бы ты к черту со своей неловкостью!

— Успокойся. Просто найди, где переночевать, а завтра я все устрою.

Я наконец смог взять себя в руки.

— Хорошо. Я позвоню тебе завтра. — И я ушел прочь.

Весь оставшийся день я слонялся по городу. Кругом тянулся частный сектор с высокими заборами, и почти у каждой калитки стоял деревянный стульчик, а на нем — пластиковая бутылка с вином. Странно, что за вином никто не приглядывал, и я, не сумев удержаться, украл одну такую бутылку.

К вечеру я пошел подальше от центра, чтобы подыскать место для ночлега. Еще издали я заприметил угловатую крышу дома у городского парка и решил, что под ней должен быть просторный чердак. Дверь была заперта на крохотный замок, и я без труда его сорвал. Я открыл банку тушеной свинины и остаток вечера просидел на чердаке. После заката сильно похолодало, и мне пришлось надеть все теплые вещи, чтобы хоть немного согреться. Стуча зубами от холода, я впервые подумал, что затея моя была не самой мудрой, и заворчал себе под нос:

— Ну что, доволен? Получай свой настоящий мир, придурок!

Глава 2

В полдень мне позвонил Кирилл и сказал, что нашел, где меня пристроить. Я пошел в местный паб дожидаться его прихода. Кирилл не появился, только перезвонил через час: «За тобой зайдет Максим. Мне сейчас некогда. Позвони, когда обоснуешься», — и тут же повесил трубку. Прошел еще час, прежде чем ко мне подсел незнакомый молодой человек лет двадцати пяти. Выглядел он странно: маленького роста, с чуть придавленной с боков головой и оттопыренными ушами. Плечи его были узкими, подбородок рассекал бледно-фиолетовый шрам. На ногах были вычурные кеды, которые обычно носят жители больших городов.

— Ты Женя? Друг Кирилла? — непринужденно спросил он, окинув меня взглядом.

— Ну, судя по тому, как меня вчера прокинули, видимо, бывший, — отшутился я.

Парень усмехнулся.

— Я Максим. — Он протянул мне тонкую руку. — Давно ты здесь?

— Часа два.

— А в городе? — Он задавал вопрос за вопросом, как дознаватель.

— Второй день, — ответил я, чуть нервничая. Я понимал, что, если Максим не пустит меня к себе, мне придется вернуться на чердак.

— Ну и как тебе?

Я сразу догадался, что он не местный. Горячий Ключ напоминал мне родной городок, а человеку в таких кедах он наверняка казался унылым.

— Скучно до одури, — ответил я, надеясь, что угадал.

— Ну, привыкай. Такой уж он, Горячий Ключ. Тихая гавань, и все такое.

Я заказал нам два стаута. Весь вечер мы просидели в пабе. Максим оказался субъектом весьма занимательным, очень живым и веселым. Говорил он много, в основном ни о чем, но слушать его все равно было приятно.

Мне удалось выяснить, что отчим его — владелец транспортной компании в Петербурге. Пасынка он не любил и, едва тот окончил университет, сослал его своим представителем в Горячий Ключ. Обязанности эти давно выполнял другой человек, так что Максиму оставалось появляться в офисе на пару часов в день и получать деньги. Мать хлопотала о его возвращении в Петербург, но раньше лета ждать было нечего. Сам Максим уверял, что ему это безразлично. Он считал себя человеком высокой мысли, которого заботит лишь то, что претендует на место в вечности.

Из паба мы вышли около полуночи, порядком пьяные.

— И ты вот так просто впустишь парня, с которым познакомился только сегодня? — удивился я.

— Квартира принадлежит фирме отчима, и вся мебель в ней тоже. Ты можешь хоть поджечь весь дом — мне наплевать. — И мы двинулись дальше.

Жил Максим в высотном монолитном доме. Двор был огорожен забором. На парковке стояли дорогие автомобили. Когда мы поднимались к парадному входу, Максим предупредил:

— Если консьерж будет возражать, сунь ему что-нибудь выпить, — и рассмеялся. — После этого он будет обращаться к тебе на «вы».

В подъезде нас встретил старик в вязаном свитере с высоким горлом. Он, приподняв очки, посмотрел на меня и спросил у Максима:

— Этот молодой человек — ваш гость?

— Он наш новый жилец.

— Но как же так? — возмутился старик. — Нужно сначала предъявить регистрацию. Это ведь не притон какой-нибудь.

Я вспомнил про краденое вино, достал бутылку из сумки и отдал ее консьержу. Старик долго разглядывал ее на свет.

— Хорошо. Но это в первый и в последний раз, — недовольно пробурчал он, удаляясь в свою каморку.

Квартира была неплохо обставлена, но из-за беспорядка выглядела неуютно. Всюду лежала брошенная одежда. На столах и полках пылились недочитанные книги с загнутыми листами вместо закладок. На подоконнике в гостиной стояло несколько пустых бутылок, окруженных пятнами от кофейных чашек. Максим провел меня в маленькую спальню и сказал:

— Можешь расположиться здесь. Только не трогай ничего на столе.

— Меня интересуют только кровать и ванная, — успокоил я его.

— Тогда можешь пока разложить вещи, а я приготовлю поесть.

Я поблагодарил Максима, но, как только он вышел, проверил, закрывается ли дверь изнутри. Я наспех принял душ и переоделся, а когда показался на кухне, меня ждал ужин. Максим сидел у окна и смотрел куда-то вдаль. Он был уже не так весел, на лице проступила усталость. Он повернулся ко мне и тихо сказал:

— Скоро ты пожалеешь о том, что приехал сюда.

— Почему? — удивился я.

— Жалкий городишко. Мне он сразу не понравился. Как только сошел с поезда, понял, что не стоило сюда приезжать. Я здесь всего три месяца, а как будто целая вечность прошла. — Он с отвращением посмотрел в окно. — Настоящая дыра. Ни приличных мест, ни приличных людей, только улицы, залитые скукой. Я понимаю, что очень многие хотели бы оказаться на моем месте, но мне все это до смерти надоело. Мне надоело жить там, где мне указали.

— Даже не знаю. Я вырос в подобном месте.

— Я думал, ты из Питера. — Максим смотрел на меня удивленно. Я напрягся. — Мой приятель сказал, что вы с Кириллом приехали из Купчино.

— Эм… Никогда там не был. Мы с Белгородчины.

— Так ты мне не земляк?

— Если надо, стану им на пару недель, — отшутился я, боясь, что он меня выставит.

Максим улыбнулся.

— Ты не похож на провинциала.

— Приму за комплимент. — Больше я ничего не сказал, хотя такое отношение к людям из провинции меня всегда злило: будто, перебравшись в Москву или Питер, я стал бы человеком другого сорта.

До самого рассвета мы просидели на полу в гостиной, говоря о своих городах. Максим пообещал, что, как только вернется домой, с радостью примет меня у себя на несколько дней, а пока посоветовал съездить в Крым.

Глава 3

Удивительно, как быстро иногда сближаются люди. Нам с Максимом понадобилось всего четыре дня, чтобы совсем перестать стесняться друг друга. Может быть, мы сошлись характерами, а может, оба понимали, что у нас нет выбора. Максим не выгнал бы меня, даже если бы я оказался полным подонком. Он был из тех людей, кому было важно всегда и для всех оставаться хорошим. В любом случае мне было с ним весело, а это дорогого стоит.

После того как я поселился у Максима, несколько дней подряд шел дождь, Горячий Ключ опустел, и делать было совершенно нечего.

Ночами напролет мы подбадривали себя крепким кофе и говорили до хрипоты.

Максим с милейшей, свойственной ему ненавязчивостью расспрашивал меня о доме, моих родителях, о том, как я жил и что делал. Мне это совсем не нравилось. Я не любил рассказывать о себе и всегда отвечал:

— Зачем об этом говорить? Теперь все по-другому. Я давно уехал.

— Хочешь ты этого или нет, ты навсегда останешься тем, кем ты был. — Максиму эта мысль казалась мудрой, а мне — полной чушью. Тогда я еще не понимал, насколько он был прав.

Когда погода наладилась, Максим вытащил меня из дома и познакомил с местной богемой. Певица из бара, пара поэтов, художник — все как один были уверены, что их творчество заслуживает большего.

Мы сидели во дворе у трассы. Зацепила меня там только одна девчонка. Угловатая, ростом не больше ста шестидесяти, но из-за тонких ножек и прямой спины она казалась куда выше. Джинсовая куртка болталась на ней. Двигалась девчонка шарнирно, как деревянная кукла на ниточках. С головы ее струилось немыслимое множество каштановых локонов. Говорила она быстро, четко выстукивая ритм, и каждое слово вбивалось как гвоздь. Она пришла, когда мы с Максимом собрались уходить. Заметив ее, я предложил задержаться.

— Кто это? — спросил я Максима.

— Даже не знаю, крутится здесь иногда. — Он усмехнулся. — Без обид, но ты высоковато метишь.

И все же он остался.

Девушка поздоровалась с теми, кого знала, и, взглянув на меня, бросила: «Какой высокий!» Потом сказала подруге: «Я ему и до плеча не достану». Заговорить с ней мне не удалось. Через час компания поехала к какому-то парню, а нас никто не позвал. Местным я не нравился: как-то Максим признался, что один из поэтов прозвал меня питекантропом, и прозвище охотно подхватили.

Так прошли две недели. Мне было хорошо, как не было давно, и хотелось, чтобы это длилось подольше.

Однажды утром Максим сказал, что вечером к нему зайдут девчонки, и попросил меня прибраться. Возражать я не стал: еда и выпивка покупались на его деньги, а мои сбережения таяли быстрее, чем я рассчитывал. Все утро я мыл, чистил и подметал, но квартира оставалась такой же грязной. К полудню я сдался, отправился спать и проснулся только вечером от громких голосов.

Я пошел на кухню, чтобы сварить себе кофе. В коридоре я наткнулся на двух девиц. Они посмотрели на меня снизу вверх и, окатив ледяным взглядом, скрылись в гостиной. Кажется, я видел их тогда во дворе у трассы.

На кухне я заметил еще одну девушку. Она курила, сидя на подоконнике и сбрасывая пепел в мою любимую чашку. По ее плечам струились длинные каштановые локоны. Я сразу ее узнал.

Услышав шаги, незнакомка обернулась.

— Это ты? — Она бросила окурок в чашку. — Ну, привет, большой человек.

— Привет. — Я взял чашку и заглянул в нее. — Вообще-то я собирался выпить кофе.

— Прости, — произнесла она невинным тоном. — Видимо, придется сразу начать с вина.

Она протянула мне бутылку и ускользнула в гостиную. Я остался на кухне один — смотреть ей вслед и думать, дала ли мне судьба еще один шанс или решила лишь подразнить. Весь вечер я просидел на кухне, пока Максим развлекал подруг в гостиной. К ним я не выходил: знал, что не нравлюсь им, и сам не раз говорил себе: «Никогда не иди туда, где тебя не ждут». Только поминутно поглядывал на каштановые локоны сквозь дверной проем.

Ближе к ночи я все же вышел. Максим рассказывал что-то, стоя посреди комнаты. Подруги увлеченно слушали.

Я подошел к той, что испортила мне кофе, и сел рядом.

— Почему ты не хочешь поговорить с нами? — Она была порядком пьяна.

— Не хочу докучать своим питекантропским поведением.

— Смешное прозвище, правда? — Девушка едко улыбнулась. — Мы собирались в паб. Ты с нами или останешься сидеть в одиночестве?

— Пошли. — Я старался выглядеть равнодушным, но, боюсь, голос выдавал мое волнение.

— Наша так рада, что твоя согласилась! — И, посмеиваясь, она ушла в коридор, утащив за собой подругу.

По дороге в паб мы перекинулись парой слов, не больше. Максим сразу пошел к бару, а девушка взяла меня за рукав и потянула за собой.

— Пойдем потанцуем.

— Я не умею. — Я был напуган, как мальчишка. Танцевал я скверно: грациозности во мне было как в мешке с картошкой.

— А это и не нужно. Просто, если я буду рядом с таким верзилой, никто не решится ко мне приставать.

— Как тебя зовут? — выпалил я.

— Инна.

Теперь я хотя бы знал ее имя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.